

УДК 811.161.1'282.2(470.61)

ББК 81.411.2-02

Г79

Т.Е. Гревцова,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории филологии Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону, тел.: +79094204023, e-mail: tanyar_2@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЙНЕ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА¹

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются фрагменты народной картины мира казачества, связанные с военной сферой, и их выражение в диалекте донских казаков. Формирование казачества как этносоциальной группы происходило в условиях Дикого Поля, когда военные походы были не только необходимостью по защите своей территории, но и способом добычи средств к существованию, а позже служба в царской армии стала главным занятием казаков, поэтому представления о военной деятельности проникают в разные части традиционной культуры казаков и находят отражение в языковых средствах. В их семантике, принципах номинации и внутренней форме выразились наиболее значимые мотивы воинской культуры донцов. Трансформация военной сферы, происходившая в разные периоды истории казачества, а также общие тенденции эволюции языковой семантики стали причиной изменений в лексико-семантической группе, связанной с военной деятельностью. Лексемы, обозначающие исчезнувшие реалии, ушли из активного употребления. Развитие семантики ряда казачьих слов, изначально относившихся к военной сфере, шло по пути расширения: они начинают употребляться для названия реалий мирной жизни, при этом «военное» значение зачастую исчезает из активного бытования.

Ключевые слова: донские казаки, Область войска Донского, воинская культура, военная служба, языковая картина мира, лексика.

T.E. Grevtsova,

Candidate of Philology, Senior Researcher, Laboratory of Philology, Federal Research Center, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, ph.: +79094204023, e-mail: tanyar_2@mail.ru

CONCEPTS OF WAR AND MILITARY SERVICE IN THE WORLD'S LANGUAGE PICTURE OF THE DON COSSACKS

Abstract. The article deals with fragments of the folk Cossacks picture of the world associated with the military sphere and their expression in the dialect of the Don Cossacks. The formation of the Cossacks as an ethno-social group took place in the conditions of the Wild Field when the military campaigns were not only a need to defend their territory, but also a way of obtaining a livelihood, and later service in

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология».

the tsarist army became the main occupation of the Cossacks, therefore, ideas about military activity penetrate into different parts of the Cossacks' traditional culture and are reflected in linguistic means. The most significant motives of the Cossacks' military culture were expressed in their semantics, principles of nomination, and internal form. The transformation of the military sphere, which took place in different periods of the Cossack history, as well as general trends in the evolution of linguistic semantics has caused changes in the lexical-semantic group associated with the military activities of Cossacks. The lexemes, which denote the disappeared realities, have gone out of active use. The development of a number of Cossack words semantics, which originally related to the military sphere, followed the path of expansion: they begin to be used to name the realities of peaceful life, while the "military" meaning often disappears from active existence.

Keywords: Don Cossacks, region of the Don Army, military culture, military service, linguistic picture of the world, vocabulary.

Исследователями народной культуры давно установлено, что язык народа отражает его жизнь, быт, мировоззрение и духовные ценности, «определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира» [1; 38-39]. Изучение традиционной культуры и народной картины мира через призму ключевых понятий, отражающих особенности мировоззрения представителей этнических и социальных групп, — набирающее популярность, продуктивное направление в гуманитарных науках последнего времени, поскольку такой подход позволяет объединить представления о различных фрагментах реальности, выраженные в языке, обычаях и обрядах, фольклоре, и таким образом реконструировать народную картину мира. Языковая картина мира является частью всей совокупности представлений человека о действительности, «исторически сформирована в ходе повседневной практической деятельности людей и отражает особенности их обыденного сознания» [2; 37].

Роль войны и военной службы в традиционном укладе жизни донских казаков трудно переоценить, поскольку формирование казачества как этносоциальной группы происходило в условиях Дикого Поля, когда военные походы являлись и необходимостью по защите своей территории, и главным способом

добычи средств к существованию [3; 85]. Представления о военной деятельности пронизывают не только сферу воинской службы, обычаи и обряды, связанные с подготовкой и нахождением в армии, но и другие фрагменты традиционной культуры казачества, проникая в семейные и календарные обряды, повседневность, народную аксиологию и язык [4 - 7]. Традиционная воинская культура донских казаков рассматривалась учеными с разных точек зрения. М.А. Рыблова обратилась к раннему периоду истории донских казаков и исследовала эти мужские сообщества как социокультурный феномен, специфика которого на начальном этапе существования заключалась в отношении к войне как явлению, определяющему пространство Дикого Поля [3]. А.В. Яровой рассмотрел казачью историю и обрядность с позиций агонистики, «полагающей наличие в мировой истории таких культур, чье существование связано с активным самоутверждением в противоречивом и враждебном мире» [8; 3]. С.В. Черницын проанализировал эволюцию воинской деятельности донских казаков от вольного военного промысла до обязательной сословной повинности [9, 10]. Влияние воинских традиций на повседневную жизнь донцов изучали Т.Ю. Власкина и Е.В. Годовава [11-13]. Отражение воинской культуры в языке донских казаков не

получило исчерпывающего исследования [14, 15].

В данной статье будут рассмотрены представления о войне и военной службе, выраженные в лексике и фразеологии диалекта донских казаков. Материалом для работы стали словари диалектной лексики Дона [16-18], дореволюционные описания быта, языка и истории донцов [19-22], а также опубликованные работы по традиционной культуре, языку и истории казачества.

О той важной роли, которую играла военная деятельность в истории донцов, свидетельствует лексика, обозначающая все сообщество казаков и территорию, которую они занимали. Так, *войском* (т.е. совокупностью вооруженных людей, воинов) именовалось донское казачество в целом [16; 84]; это слово входило во все официальные названия края, заселенного донскими казаками, с конца XVII в. – *Земля Войска Донского, Область Войска Донского, Всевеликое войско Донское*, а прилагательное *войсковой* употреблялось в значении ‘принадлежащий Войску Донскому’ (*войсковое правление, войсковой круг, войсковая станица* и т.д.) [16; 84, 17; 85]. Однако, по замечанию М.А. Рыбловой, термин «Войско» и понятие «Войско Донское» появляются в письменных источниках лишь с конца XVI в., следовательно, «в ранний период казачьей истории единого Войска не существовало» [3; 184].

Образ жизни казачьей общины на раннем этапе ее истории, когда основным способом добычи средств к существованию были военные походы, в диалектных словарях характеризует небольшой круг слов, имеющих пометку «историзм», т.е. обозначающих давно исчезнувшие из жизни казаков реалии, явления и понятия и уже не употребляющиеся в живой речи. Так, в семантике слов *гульба* ‘образ жизни казачьей вольницы, охота, промысел, добыча’, *гулебцики* ‘казачья вольница, жившая добычей, военным промыслом,

охотой’ [16; 121-122, 17; 125], нашло отражение важнейшее для истории казачества понятие воли. В значении глагола гулять присутствуют мотивы свободного перемещения в пространстве и свободы, праздности, незанятости [23; 102-113], что как нельзя лучше характеризует казачью общину в «рыцарский» период с ее автономностью от власти Москвы, необремененностью семейными и родственными узами, маргинальностью по отношению к земледельческим крестьянским общинам [3; 114, 9]. Примечательно наличие в семантике слов *гулебцик* и *гульба* и семы ‘охота’, поскольку охотничьи и воинские сообщества – это исключительно мужские объединения, которые были организованы сходным образом, а участие в охоте было своеобразной тренировкой ловкости и меткости перед реальным боем с врагом [8; 45, 189]. Добыча зверя, так же, как и война, являлась древнейшим занятием донцов. Подтверждением этому служит легенда, записанная А. Ригельманом у верховых казаков, о «прародителе» донских казаков, который «бил зверя» и таким образом пришел и осел в низовьях Дона [19; 3]. Отметим, что в «вольный» период истории донского казачества «охотниками» называли не только тех, кто занимался охотой, но и тех, кто воевал с татарами, турками и персами [21; 18].

Военные походы как основное занятие казаков характеризуют также лексемы *полевать* ‘быть в поле, в походе’ [16; 395], *добываться* ‘жить военной добычей’ [16; 134]. В их семантике содержится указание на вольный образ жизни донцов, существование за счет военного промысла и жизнь в пространстве Дикого Поля – пограничной и экстремальной зоне [3; 42].

Название донцов - *зипу́нники*, отмечаемое историками для «рыцарского» периода истории казачества («в прежнее время казаки отправлялись на море за добычей - “зипуны доставать”. Отсюда - *зипу́нники*»

[18; стб. 114]), также отражает роль военных походов казаков как основного способа добычи средств к существованию. С другой стороны, и казаки могли употреблять слово *зипунники* по отношению к вооруженным отрядам неприятеля. Например, в 1682 г. войсковой атаман писал крымскому хану: «В ответ же на твои угрозы, что если мы взятое твое за Перекопом и в иных местах не пришлем, то ты, хан Мурат, пришлешь на нас твоих зипунников один отряд за другим...» [22; 16]. Трофеи, добытые казаками в походах «за зипунами», назывались *дуваном*, а словосочетания *ходить за дуваном* и *дуван дуванить* обозначали добычу и процесс дележа трофеев [16; 142].

Значительную группу слов, связанных с военной сферой, в донском словаре составляет военная лексика и терминология, появившиеся с развитием войсковой организации и переходом казачества от «вольности» к государственной службе. Большой пласт названий относится к казачьим военным чинам и званиям: *вахмистр* (*вахмистер*, *вахмистра*) ‘помощник командира сотни из рядовых’ [16; 68]; *войсковой хорунжий* ‘помощник кошевого или войскового атамана, хранитель знамени, в боях – начальник резерва’ [16; 84]; *есаул* ‘помощник войскового атамана, исполнитель решений круга и приказаний атамана в походах, в новое время – казачий офицерский чин’ [16; 148], *подхорунжий* ‘младший офицерский чин в казачьей армии, рангом ниже хорунжего’ [16; 388, 17; 440]; *подъесаул* ‘казачий офицерский чин, рангом ниже есаула’ [16; 388, 17; 441]; *полковник* ‘старший офицерский чин в казачьих войсках, следующий за войсковым старшиной, а также лицо в этом чине’ [17; 448]; *приказной* ‘низший чин в казачьем войске, а также лицо в этом чине’ [17; 474]; *сотник* ‘офицерский чин в казачьих войсках, следующий за хорунжим, а также лицо в этом чине’ [17; 561]; *войсковой*

старшина ‘старший офицерский чин в казачьих войсках, равный подполковнику, а также лицо в этом чине’ [17; 568]; *урядник* ‘унтер-офицер в казачьих войсках царской армии’ [16; 545, 17; 613-614]; *младший урядник* ‘низший командный военный чин из рядовых казаков, следующий после приказного, а также лицо в этом чине’; *старший урядник* ‘низший командный военный чин из рядовых казаков, следующий после младшего урядника, а также лицо в этом чине’ [17; 614]; *хорунжий* ‘первый офицерский чин в казачьих войсках, соответствующий сержанту’ [16; 561].

Помимо чинов, которые получали казаки во время службы, в донских говорах существует ряд названий лиц, в семантике которых так или иначе содержится указание на отношение к военной деятельности (например, *бантист* ‘казак, имеющий полный бант – 4 Георгиевских креста’ [16; 35]; *наряженный казак* ‘казак, идущий в наряд’ [16; 310], *атаманец* ‘казак (обычно рослый и красивый), служивший в Атаманском полку’ [17; 26] и др.). При этом значение, связанное с военной службой, может быть не выражено языковыми средствами, и для выявления в семантике слова представлений, связанных с воинской культурой, необходимо обращение к невербальным культурным знакам. Так, Б.Н. Проценко указал на имплицитную семантику отношения к службе с точки зрения этапов мужской инициальной обрядности у донских лексем *казачонок*, *кужонок*, *малолеток*, *годок* [4].

Интересна трансформация семантики слова *атаман* в истории казачьего диалекта. Первоначальное значение данной лексемы, фиксируемой в русских памятниках письменности с XIII в., – ‘начальник, предводитель, главный в каком-либо деле’ [24; 240-241]. Ф.П. Сороколетов связывает появление у слова *атаман* семантики, связанной с военной сферой, именно с казачьей

средой [24; 241]. При этом на Дону оно употреблялось в значениях начальника и воинской общины, и административно-территориальной единицы как минимум со времен Азовских походов [21; 107-108]. Военными походами руководил *походный атаман* [17; 28], главным в лагере казаков был *кошевой атаман* [16; 28]. В более поздней традиции лексема *атаман* используется преимущественно для называния главы сельской общины: «*Атаман – эта щитался глава хутара, ему фсе патчинялись. Скажыть от так, правилси сын, вызывають к атаману*» (Полевые материалы диалектологической экспедиции Ростовского государственного университета: записано от Шнырева Василия Ивановича, 1907 г.р., в хуторе Грачев Боковского района Ростовской области в 1995 г., интервьюер не указан). При этом у слова *атаман* и его производных сохраняются коннотации 'первый', 'главный', 'лучший'. Так, *Атаманский полк* лейб-гвардии русской армии состоял из специально отобранных казаков и нес службу при царском дворе [16; 28]. Лексема *атаманец*, помимо обозначения казака, служившего в таком полку, могла употребляться в отношении кого-либо, отличающегося в лучшую сторону от остальных (красивого, смелого и т.д.) («Настоящий атаманиц, мальчишка атважный, атчаяный» [17; 26]), а одно из значений прилагательного *атаманский* – 'такой, который может себе позволить атаман, хороший, отличный' [16; 28; 17; 26]. Следствием расширения семантики слова *атаман* стало появление в донских говорах глагола *атаманить* 'руководить, командовать' [17; 26] и использование существительного *атаман* для обозначения предводителя любой группы людей. Например, в донских говорах *атаман* – это также и руководитель рыболовецкой артели, *базарный атаман* – ответственное лицо за торговлю на базаре, *гулѣбный*

атаман – распорядитель казачьей пирушки или игры [17; 25].

Несение военной службы в целом в донском диалекте характеризуют словосочетания *быть (служить) в армиях* [16; 65, 495], *ломать службу (службицу)* [16; 267, 17; 302], *идти (пойти) в службу* [16; 494], *казаковать* [16; 203-204, 17; 229]. Служба в кавалерии и пехоте получила отражение в выражениях *провисеть на коне* 'прослужить в кавалерии' [16; 430], *служить пешки* 'отбывать казачью или воинскую службу в пехоте' [17; 553]. Очередность поступления на службу и казаков по отношению к этой очереди и месту несения службы обозначают слова и словосочетания: *второочередник* 'казак, отслуживший четыре года на действительной службе и подлежащий призыву на военную службу во вторую очередь' [17; 92]; *третьеочередник* 'казак в возрасте от 30 до 35 лет, находящийся в запасе, призываемый в действующую армию в третью очередь' [17; 595]; *домовитый* 'о казаке, не отбывшем службу' [16; 137], *пойти в (на) добавки* 'идти на военную службу в числе добавочных, после основного набора, взамен выбывающих' [16; 133-134], *служить две перемены* 'служить в армии два срока' [16; 495]; *новоприборный* 'казак-новобранец' [16; 323]. Место несения службы отражено в названиях *отарицк* 'казак, отбывавший действительную службу при станичных табунах строевых коней' [16; 343; 17; 389]; *ларь* 'место переподготовки казаков, отслуживших действительную службу' [16; 248]; *местная служба* 'несение службы казаками по месту жительства' [16; 282].

Небольшая группа слов, связанных с воинской деятельностью донцов, обозначает военные объединения казаков и казачьи воинские подразделения: *сумы* 'сообщества казаков во время военного похода' [16; 518, 20; 30], *артель* 'казачья сотня' [16; 27]; *атаманский полк* 'полк лейб-гвардии русской армии,

состоявший из специально отобранных казаков и несший службу при царском дворе»; *сотня* 'казацье подразделение, соответствующее эскадрону в регулярных кавалерийских частях' [17; 561]; *слабосильная команда* 'воинское подразделение, состоящее из больных после ранения и легко раненых казаков' [16; 228]; *местная команда* 'подразделение, состоящее из казаков, не призванных по здоровью на военную службу и выполняющих хозяйственные работы' [16; 282]; *сторожовка* 'охранная стража' [16; 512].

В донском диалекте нашло отражение особое отношение казаков к оружию, обмундированию и военной форме. Задолго до поступления юноши на службу его родители начинали готовить *амуницию* / *справу* 'обмундирование, военное снаряжение, необходимое для службы казака' [17; 22, 563-564] и *служивского* / *строевого коня (строевика)* [16; 494; 17; 574]. Донской словарь сохранил сведения о видах оружия, частях обмундирования, военной форме казаков: *наряд* 'большое орудие' [16; 310], *шомполовка* 'старинное ружье, заряжаемое с дула при помощи шомпола' [16; 595], *татауры* 'портупея, перекрещивающиеся на груди ремни, прикрепляемые к поясу для ношения оружия' [16; 525]; *вицмундир* 'верхняя часть казачьего форменного мужского костюма' [17; 80]; *гаманец* 'мешочек для пуль' [17; 104-105]; *рундук* 'наплечный ящик солдата' [17; 521]; *торока* 'переметная сума, притороченная к седлу, в которой содержатся вещи верхового казака' [17; 538]; *драгунка, драгунское седло* 'вид седла с низкой посадкой, используемого первоначально драгунами' [17; 150, 538]. В форме и значении многих слов данной группы, так или иначе, подчеркивается «особость» донцов в военном плане: *дончиха* 'донская казачья сабля' [16; 138] или 'казачья пика' [21; 367], *нагайка* 'часть казачьего снаряжения: ременная плеть с костяной или

металлической ручкой, служащая холодным оружием, имеющая на конце небольшую свинцовую деталь, находящаяся во время конной езды в левой руке, в другое время – за голенищем' [17; 332]; *шашка* 'традиционная часть казачьего вооружения: холодное оружие с острым клинком' [17; 670], *чекмень* 'казачий военный мундир' [16; 572, 17; 648]; *лампасы* 'красные продольные нашивки на штанах казаков' [18; 167]; *казачье седло* 'вид седла с высокой посадкой, обычно используемого казаками' [17; 538]. Недаром образ донского казака в общественном сознании и сегодня формируется во многом за счет использования оружия, военной формы и ее частей (шашка, военная форма, лампасы, фуражка и т.д.) как наиболее наглядных атрибутов воина [25; 25]. Известны и казачьи тактические приемы ведения боя: *батованье* 'спешивание казаков во время нападения неприятеля' [16; 37]; *ватага* 'свернутый глубокий строй, противоположный лаве' [16; 68]; *вентерь* 'способ ведения боя казаками' (засада, устраиваемая на пересеченной местности) [16; 70-71], *лава* 'конная казачья атака' [18; 165].

Особые отношения складывались между казаками за длительное время совместной военной службы, что нашло отражение и в лексике. Дружбу солдат-однополчан называли *братчиной* [16; 53-54]. Внутренняя форма этого слова указывает на замещение и копирование семейно-родовой структуры воинской общности. М.А. Рыблова отмечает, что такая ситуация является универсальной для мужских сообществ [3; 171]. Принцип номинации сослуживцев в донском диалекте связан с пребыванием казаков в одном военном подразделении (*суме, коше, полку*): *однодум, однокашник, полчан, полчанин, полковец* [16; 335, 395, 398, 17; 377, 378, 451]. Особые названия существовали и для женщин, чьи мужья

вместе проходили военную службу: *односумка, полчанка* [16; 335, 398, 17; 378, 451].

Исследователи казачьей культуры неоднократно указывали на особое положение женщины-казачки, для которой обычным делом было дожидаться мужа из армии и на плечи которой во время его отсутствия ложилась традиционно мужская работа [11, 12, 13; 351-375]. Внутренняя форма донских лексем, обозначающих женщину, у которой муж находится на военной службе, отражает ситуацию ожидания (*жданка* [16; 152]), умение женщины справляться с хозяйством в отсутствие мужчины (*удалюха* [17; 608]) и ее предосудительное в глазах общества поведение (*гулячка* [16; 122]). Однако наиболее широкое распространение на Дону получили дериваты от слова *жалмер* 'рядовой военнослужащий армии, солдат' [17; 164], заимствованного из немецкого языка (*soldenäre* 'наемный солдат') через польский *żołnierz* название солдата [26; 158]: *жалмерка, жармелка, жармёлка, жалмерочка* [16; 151; 17; 164, 166]. Состояние жены служивого казака может обозначаться специальным глаголом *жалмерить* («Жармелила десить лет, патом муш вирнулси») [16; 151]. Более поздние названия жен военнослужащих указывают на трансформацию уклада казачьей жизни и разрушение традиционной системы мировоззрения казаков в советское время. Слово *солдатка* начинает обозначать жену ушедшего в армию и на Дону, что было невозможно в условиях различной оценки казачьих и солдатских жен в традиционном казачьем обществе [12; 48]: «А салдаткай, если вышла замуш, я была салдаткай чытыри года, а мужыка забрали служить» (Полевые материалы диалектологической экспедиции Ростовского государственного университета: записано от Кравченко Антонины Федоровны, 1927 г.р., в поселке Зимовники (районный центр) Ростовской области в 2000 г., интервьюер

Дорошенко О.А.). В советский период появилось слово *красноармейка* 'жена красноармейца, бойца Красной армии' [17; 270].

Трансформация военной культуры донцов, происходившая в разные периоды истории казачества (переход от вольного военного промысла к государственной военной службе, изменения в порядке несения службы и, наконец, кардинальный слом традиционного уклада в XX в.), а также общие тенденции эволюции языковой семантики стали причиной изменений в лексико-семантической группе, связанной с военной деятельностью казаков. Лексемы, обозначающие исчезнувшие реалии, ушли из активного употребления. Семантическая структура других была расширена и переосмыслена. Например, уже непонятные жителям донского края слова становятся объектом так называемой «наивной» этимологии. Например, лексема *односум* в народном сознании начинает связываться с *сумкой*: «Аднасумы служыли вмести, адну суму таскали в армии»; «Аднасум – такая слова для салдата, патаму шта едить на службу с адной сумкай» [17; 378]. Семы, связанные с военной деятельностью, становятся неактуальными для слов *однокашник, полчанин, односум*, в структуре их значения на первый план выходит один год рождения или дружеские отношения, эти лексемы начинают обозначать одноклассника или друга [16; 335, 17; 451]. Такие же изменения происходят с семантикой слов *односумка, полчанка*: отношения «односумства» мужей вытесняются на периферию значения и они употребляются по отношению к подруге или однокласснице [16; 335, 17; 378, 451].

Следует отметить, что развитие семантики ряда казачьих слов, изначально относившихся к военной сфере, шло по пути расширения: они начинают употребляться для названия реалий мирной жизни, при этом «военное» значение зачастую исчезает из активного бытования.

Такой путь проделали многие названия, обозначавшие явления военной жизни казаков в ранний период их истории: *станица*, *ватага*, *курень*, *есаул*, *односум*, *казаковать* и др. Так, слово *курень*, для которого сегодня фиксируется лишь сфера значений, связанная с традиционными казачьими жилыми постройками [16; 252, 17; 285-286], изначально называло военное подразделение казаков: «Сотни делились на курени, куреней было в сотне до десяти. Курень имел своего атамана и есаула» [21; 110]. Привычное жителям Дона слово *станица* «большое казачье селение, объединяющее вокруг себя хутора, центр юрта» [17; 566] в XVI–XVII вв. обозначало казачий отряд, находившийся на службе Московского государства, а его денотат *станичник* – лицо, несшее службу в *станице* [24; 189-190]. Семантика вооруженной группы казаков у слова *станица* подтверждается историческими терминами *вестовая станица* «партия казаков, посылаемая с известиями» и *зимовая станица* «многочисленное обязательное зимнее посольство казаков в Москву» [16; 507], а также другими источниками: «Просили такие люди благословения родительского, собирались в станицы, или ватаги, и шли искать счастья в борьбе с татарами» [21; 11]. Обозначение словом *станица* постоянных казачьих поселений появилось в текстах грамот в 80-х гг. XVII в. и было связано с появлением семейных отношений и началом земледелия на Дону [3; 66]. Лексема *ватага*, употребленная как синоним слова *станица* в приведенном выше контексте, позже также перешла в «мирную» сферу и стала обозначать рыболовецкую артель. Вообще

нужно отметить «переключку» военной и рыболовецкой лексики донских казаков, которая, видимо, обусловлена тем, что рыбная ловля, как и военные походы, была древнейшим занятием донцов и одним из важнейших их промыслов: *вентерь* 1. «рыболовная снасть, мережа, самоловка для рыбы из сети», 2. «способ ведения боя казаками»; *артель* 1. «группа рыбаков с бреднем»; 2. «казачья сотня»; *атаман* 1. «высший начальник в казачьих войсках, а также военно-административный начальник в казачьих областях»; 2. «руководитель рыболовецкой артели»; *добываться* 1. «жить военной добычей», 2. «заниматься рыболовством» [16; 27, 28, 68, 134].

Таким образом, группа донской лексики, связанная с военной сферой, содержит напластования разных периодов истории казачества и отразила различные системы организации военной деятельности донцов от «вольного», «рыцарского» этапа до службы в царской армии. При этом часть лексем, зафиксированных источниками XIX в. и словарями диалектной лексики Дона, ушли из активного употребления и остались в памяти немногих старожилов лишь как обозначение исторических реалий, характеризующих самобытность казачьего уклада жизни и воинской культуры. В структуре значения ряда других слов военной сферы семы, связанные со службой и войной, отошли на периферию или были утрачены. Изменения, происходившие в этой группе лексики, с одной стороны, являются естественными для развития языковой семантики, а с другой – отражают общие процессы истории донского казачества.

Примечания:

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
2. Голованова Е.И., Голованов И.А., Казачук И.Г. Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий // Научный диалог. 2016. № 8. С. 34-45.

3. Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону (XVI – первая треть XVIII вв.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 544 с.
4. Проценко Б.Н. Инициальные обряды как элемент духовной культуры донских казаков // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1996. № 1. С. 67-73.
5. Рудиченко Т.С. Воинские элементы в обрядах жизненного цикла донских казаков // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции / (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.). Ростов-на-Дону: Альтаир, 2016. С. 12-18.
6. Рыблова М.А. Календарные праздники зимне-весеннего цикла у донских казаков в XIX – начале XX вв. // Стрежень: Научный ежегодник. Волгоград: Издатель, 2010. Вып. 8. С. 260-269.
7. Рыблова М.А. Обрядовая трапеза донских казаков: от повседневного к сакральному // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 167-181.
8. Яровой А.В. Воинская культура казачества: символическое пространство и ритуал. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2011. 214 с.
9. Черницын С.В. Некоторые вопросы изучения воинской культуры донских казаков // Казачий информационный портал «Дикое Поле». <https://dikoe-pole.com/2013/01/22/chernizin-tokarevskie/> (дата обращения: 16.07.2020).
10. Черницын С.В. Этнокультурные процессы на Дону и образование казачества (XVII-XVIII вв.) // История и культура народов Степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Ростов-на-Дону: РГК им. С. Рахманинова, 1999. С. 90-101.
11. Власкина Т.Ю. Взаимодействие семьи и службы в повседневности донского казачества на рубеже XIX–XX вв. (по материалам личного происхождения) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 46-49.
12. Власкина Т.Ю. Вызовы войны как фактор корректировки традиционных явлений в культуре донских казаков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. №7. Ч. 2. С. 47-53.
13. Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2018. 532 с.
14. Брысина Е.В., Супрун В.И. Языковые образы войны в сознании русского человека // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Вып. 14: Материалы XXIX краеведческих чтений. Волгоград: Издатель, 2018. С. 221-226.
15. Мельникова Т.В. Военная деятельность как основная характеристика казачества и ее отражение в языковом сознании казаков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 101-105.
16. Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. 608 с.
17. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
18. Миртов А.В. Донской словарь. Материалы для изучения лексики донских казаков. Ростов-на-Дону: Н.-И. Институт изучения местной экономики и культуры при Северо-Кавказском государственном университете, 1929. XVII с., 416 стб.
19. Ригельман А. История или повествование о донских казаках / собранная и составленная через труды генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана 1778 года. М.: Университетская типография, 1846. 154 с.
20. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Новочеркасск: Областная в. Д. типография, 1892. III, 92 с.

21. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории войска донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 522, XIX с.

22. Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского: в 5 т. Т. 1. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1884. 762, XVII с.

23. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

24. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.) / отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.

25. Рыблова М.А., Рвачева О.В. Способы и образы самоидентификации донских казаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 19-28.

26. Давыдова О.А. Жалмерка – казачья солдатка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. С. 158–161.

References:

1. Apresyan Yu.D. Human image according to the language data: attempt of system description // Problems of Linguistics. 1995. No. 1. P. 37-67.

2. Golovanova E.I., Golovanov I.A., Kazachuk I.G. Language picture of the world vs. folklore picture of the world: points of contact and differences // Scientific Dialogue. 2016. No. 8 (56). P. 34-45.

3. Ryblova M.A. Don brotherhood: Cossack communities on the Don (16th - first third of 18th century). Volgograd: VolSU Publishing House, 2006. 544 p.

4. Protsenko B.N. Initial rites as an element of spiritual culture of the Don Cossacks // Proc. of higher educational institutions. North-Caucasus region. Social Sciences. 1996. No. 1. P. 67-73.

5. Rudichenko T.S. Military elements in the rituals of the life cycle of the Don Cossacks // War and military traditions in the cultures of the peoples of the South of Russia (V Tokarev readings): Materials of the All-Russian scientific-practical conference / (Rostov-on-Don, May 6-7, 2016). Rostov-on-Don: Altair, 2016. P. 12-18.

6. Ryblova M.A. Calendar holidays of the winter-spring cycle among the Don Cossacks in the 19th - early 20th centuries. // Strezhen: Scientific Yearbook. Issue 8. Volgograd: Publisher, 2010. P. 260-269.

7. Ryblova M.A. Ritual meal of the Don Cossacks: from everyday to sacred // Ethnographic Review. 2017. No. 3. P. 167-181.

8. Yarovoy A.V. Military culture of the Cossacks: symbolic space and ritual. Rostov-on-Don: NMC "Logos", 2011. 214 p.

9. Chernitsyn S.V. Some issues of studying the military culture of the Don Cossacks // Cossack information portal "Wild Field". <https://dikoe-pole.com/2013/01/22/chernizin-tokarevskie/> (date of the application: 16.07.2020).

10. Chernitsyn S.V. Ethnocultural processes on the Don and the formation of the Cossacks (17-18th centuries) // History and culture of the peoples of the Steppe Ciscaucasia and the North Caucasus: problems of interethnic relations. Rostov-on-Don: S. Rakhmaninov Russian State Conservatory, 1999. P. 90-101.

11. Vlaskina T.Yu. The interaction of family and service in the everyday life of the Don Cossacks at the turn of the 19-20th centuries (based on materials of personal origin) // Cossacks in the socio-cultural space of Russia: historical experience and development prospects: Abstracts of the All-Russian scientific conference (September 28-29, 2010, Rostov-on-Don) / Ed. acad. G.G. Matishov. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing House, 2010. P. 46-49.

12. Vlaskina T.Yu. War challenges as a factor in correcting traditional phenomena in the culture of the Don Cossacks // Historical and social educational thought. 2015. Vol. 7. No. 7. Part 2. P. 47-53.

13. Godovova E.V. Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th - early 20th centuries: Dissertation for the Dr. of Historical Sciences degree. Samara, 2018. 532 p.

14. Brysina E.V., Suprun V.I. Linguistic images of war in the minds of a Russian person // Questions of local history: materials of local history readings. Issue 14: Materials of XXIX Local History Readings. Volgograd: Publisher, 2018. P. 221-226.

15. Melnikova T.V. Military activity as the main characteristic of the Cossacks and its reflection in the linguistic consciousness of the Cossacks // Proc. Volgograd State Pedagogical University, 2015. No. 1. P. 101-105.

16. Big explanatory dictionary of the Don Cossacks. Moscow: Russian dictionaries; Astrel; AST, 2003. 608 p.

17. Dictionary of Don dialects of the Volgograd region / author-comp. R.I. Kudryashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; Ed. Prof. R.I. Kudryashova. Volgograd: Publisher, 2011. 704 p.

18. Mirtov A.V. Don dictionary. Materials for studying the vocabulary of the Don Cossacks. Rostov-on-Don: Scientific Research Institute for the Study of Local Economics and Culture at the North Caucasus State University, 1929. XVII pp., 416th column.

19. Rigelman A. History or narration of the Don Cossacks / collected and compiled through the works of Major General and Companion Alexander Rigelman in 1778. Moscow: University Printing House, 1846. 154 p.

20. Sukhorukov V.D. Dormitory of the Don Cossacks in the 17th and 18th centuries. Historical sketch. Novocheerkassk: Province of the Don Cossack Host Printing House, 1892. III, 92 p.

21. Krasnov P.N. Pictures of the former Quiet Don. A short essay on the history of the Don troops for reading in the family, school and military units. St. Petersburg: R. Golike and A. Vilborg partnership, 1909. 522, p. XIX.

22. Nomikosov S.F. Statistical description of the Province of the Don Cossack Host. In 5 volumes. Vol. 1. Novocheerkassk: Province of the Don Cossack Host Printing House, 1884. 762, p. XVII.

23. Tolstaya S.M. Word space. Lexical semantics in a common Slavic perspective. Moscow: Indrik, 2008. 528 p.

24. Sorokoletov F.P. History of military vocabulary in Russian (11-17th centuries) / Ed. F.P. Filin. Moscow: LIBROKOM Book House, 2009. P. 384.

25. Ryblova M.A., Rvacheva O.V. Methods and images of self-identification of the Don Cossacks // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relationships. 2009. No. 1 (15). P. 19-28.

26. Davydova O.A. Zhalmerka – a Cossack soldier's wife // Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. 2011. No. 6 (2). P. 158-161.